

ПРОСТРАНСТВЕННЫЙ АСПЕКТ ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ: ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ, ЭВОЛЮЦИИ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ГРАНИЦ

К. В. Миньяр-Белоручев

Статья посвящена проблеме международных границ как части пространственного аспекта изучения истории международных отношений. В статье рассматриваются основные подходы к изучению государственных границ, дается исторический анализ формирования, эволюции и функционирования государственных границ в связи с их современным состоянием.

Ключевые слова: международные отношения; пространство и территории; границы; лимнология.

В исследовании пространственного аспекта международных отношений — как их истории, так и современного состояния — важную роль играет изучение международных границ, их формирования и эволюции. При этом изучение международных границ оказывается на стыке сразу нескольких дисциплин — истории, международных отношений, политической и исторической географии, геополитики. Наиболее детальную теоретическую проработку изучение границ получило в рамках специального подраздела политической географии — лимнологии.

Существующие в рамках лимнологии подходы к изучению границ подразделяются на две большие группы: традиционные и постмодернистские. Для традиционных подходов характерен взгляд на пространство как на независимый субъект, оказывающий через систему причинно-следственных связей влияние на социальные явления, в том числе — на международные отношения. В рамках традиционных подходов пристальное внимание уделяется политическим факторам, в то время как границы выступают в качестве отражения военной, экономической и иной мощи государства. Особенностью постмодернистских подходов является изучение пространства в контексте широкого комплекса явлений, характеризующих политическую, экономическую, социальную жизнь общества на разных уровнях — от глобального до локального. Для постмодернистских подходов характерны стремление вписать исследование конкретной границы в систему всех мировых границ от глобального до локального уровней, интерес к анализу воздействия глобализации и интеграции на политические границы, повышенное внимание к исследованию практики приграничной деятельности и пограничной политики, а также интерес к изучению пространственной идентичности и территориальной идеологии, восприятия границ и связанного с ними дискурса, а также массовых представлений о границах.

Несмотря на постмодернистскую критику традиционных подходов к изучению границ за их неспособность дать ответ на многие вызовы, которые пространственный фактор в целом и проблема границ в частности ставят перед теорией и практикой международных отношений, постмодернистская традиция, в свою очередь, нацеливается в большинстве случаев на решение частных вопросов

лимнологии, но не предлагает целостного взгляда на процесс формирования и эволюции международных границ. В этой связи наиболее перспективным представляется не отрицание традиционных подходов, а использование их достижений для выработки новых концепций и поиска ответов на актуальные вопросы международной жизни, в том числе — в контексте постмодернистского подхода.

В современной лимнологии выделяется четыре основных традиционных подхода к изучению границ: историко-картографический, классификационный, функциональный, географо-политологический.

Основными принципами историко-картографического подхода являются историзм, предусматривающий сопряженное изучение границ в пространстве и времени; рассмотрение государственных границ и их функций в контексте государственного устройства, политического режима и внешнеполитического курса страны; стремление учитывать соотношение экономической, политической и военной мощи соседних государств при анализе режима и функций границ; скрупулезный историко-географический и картографический анализ этнического состава и культурных особенностей населения, структуры и специализации хозяйства, природных ресурсов и рельефа по разные стороны межгосударственной границы. В рамках историко-картографического подхода в 1930-е годы был сформулирован тезис о недостижимости так называемых «естественных границ» [9, с. X—XI; 7, с. 196].

«Моря, горные цепи, реки — естественные, самые естественные границы стран, границы народов, образа жизни, языка, государства» [1, с. 30], — писал немецкий философ Иоганн Готфрид Гердер в конце XIX в., обосновывая идею привязки границ между государствами к природным рубежам — морским или океаническим побережьям, горным цепям, крупным рекам. Однако на практике апеллирование к необходимости установить «естественные» границы на протяжении столетий использовалось в качестве географического обоснования территориальной экспансии. При этом привязка границы к конкретным физико-географическим маркерам не оставалась неизменной. Если в средневековых хрониках в качестве «естественного» рубежа между Францией и Священной Римской империей выступали реки Рона, Сона, Маас и Шельда, то в Новое время «естественные» рубежи Франции на востоке

были отодвинуты к Альпам, среднему течению Рейна и нижнему течению Мааса. На протяжении первой половины XIX в. Миссисипи, Скалистые горы и Тихий океан последовательно сменяли друг друга в качестве «естественного» западного рубежа Соединенных Штатов; значительные сложности существовали с определением «естественного» рубежа на юге и севере, в связи с чем наиболее радикальные предложения середины XIX в. предусматривали включение в состав США всех территорий между Панамским перешейком и заполярными областями от Атлантического до Тихого океанов [3].

Между тем невозможно отрицать удобства проведения сухопутных границ по естественным природным рубежам, хотя и здесь зачастую возникают определенные трудности. Так, границу, проведенную по горному водоразделу легко делимитировать (определить общее направление прохождения), но сложно демаркировать (провести на местности). Не случайно, границы Луизианы, приобретенной Соединенными Штатами у Франции (1803), изначально установленные по водоразделу правого берега Миссисипи, были скорректированы по последующим международным соглашениям (северная граница прошла по 49° с.ш., западная граница — по течению рек Сабин, Ред-Ривер и Арканзас и соединяющим их меридиональным линиям) [11, с. 200—207, 248—250, 252—273; также см.: 4; 5]. Сложность использования течения рек в качестве государственных границ заключается в том, что в большинстве случаев река (в отличие от горных цепей) связывает живущее по ее берегам население, а не разделяет его.

Обязательных правил, жестко регламентирующих принципы прохождения речных и озерных границ, не существует. При этом речные границы, как правило, проводятся по фарватеру, линиям наибольших глубин или середине реки (ее главного рукава). Воды пограничных озер делятся без остатка по линиям, соединяющим выходы границы к берегам соответствующего озера. В роли таких линий могут использоваться как учитывающие конфигурацию побережья (равноотстоящие и срединные линии), так и абсолютные (геодезические) линии, проведенные без учета рельефа. Изменение уровня воды в высыхающих и нестабильных водоемах может создать дополнительные проблемы в определении линии прохождения границы; в подобных случаях оптимальным представляется геодезический раздел дна без учета имеющейся воды — такой принцип был применен при разделе озера Чад и Мертвого моря.

Значительную теоретическую и практическую значимость имеет классификационный подход, одним из первых адептов которого был видный британский политик Джордж Керзон (в честь которого получила название «линия Керзона» — предложенная Дэвидом Ллойд Джорджем и проведенная по этническим принципам линия разграничения между Советской Россией и Польшей).

В первой классификации, основу которой заложил Керзон, в качестве основы используется морфология. В рамках данной классификации границы подразделяются на орографические (проведенные по природным рубежам с учетом рельефа местно-

сти, таким как горный водораздел, течение реки), астрономические (установленные по параллелям или меридианам) и геометрические (проведенные по четким геометрическим линиям — прямым¹, дугам окружностей и т. п.). При этом каждая категория границ может включать более дробные подкатегории — так, частным случаем орографических границ являются границы гидрографические (проходящие по внутриконтинентальным водным объектам — рекам или озерам). Одним из видов геометрической границы является граница референтная (проведенная на определенном расстоянии от какого-либо географического объекта). Еще одна классификация, у истоков которой также стоял Керзон, предусматривает ранжирование границ в зависимости от соотношения выполняемых функций [8].

Основными функциями границ являются барьерная и контактная (ограничение взаимодействия и коммуникаций с одной стороны и их обеспечение — с другой), фильтрующая (фильтрация потоков людей, товаров, технологий), разделительная (дифференциация различных этнических, социальных и культурных групп, сохранение и поддержание разнообразия между ними), отражающая (граница отражает особенности политического строя и государственного устройства страны), регулирующая (поддержание существующего экономического и политического режимов), сопоставительная (осуществление сравнительного анализа экономической и политической конкурентоспособности государств). Отражающую функцию хорошо описал Фридрих Ратцель, характеризуя границу как периферийный орган государства, по состоянию которого можно судить о росте государства, его силе и слабостях, а также о происходящих в государстве изменениях [10, с. 596—607].

Из других классификаций границ необходимо упомянуть классификацию по историческим условиям и последовательности возникновения, в рамках которой выделяются границы послевоенные, компенсационные, навязанные, колониальные, спорные, а также классификацию по происхождению, истории и длительности существования границ. Последняя классификация приобретает особую значимость с точки зрения истории международных отношений.

Используя данную классификацию все существующие на сегодняшний момент европейские границы можно ранжировать по длительности существования и степени устойчивости на следующие категории: (1) наиболее устойчивые, восходящие к эпохе средневековья (испано-португальская граница, 1297), либо утвержденные в рамках функциониро-

¹ Поскольку Земля имеет сферическую форму, прямых линий на ее поверхности быть не может; вместо прямых используется либо ортодромия (кратчайшее расстояние между двумя точками на поверхности Земного шара, проходящее по отрезку дуги большого круга), либо локсодромия (линия, пересекающая меридианы под постоянным углом и позволяющая преодолеть расстояние между двумя точками на поверхности Земли без изменения курса движения); следует иметь в виду, что все параллели и меридианы являются локсодромами, а меридианы и экватор — одновременно представляют собой ортодромы.

вания Вестфальской системы (франко-испанская граница, 1659; шведско-норвежская граница, 1660; норвежско-финская граница, 1751); (2) границы, зафиксированные на Венском конгрессе (1815): границы Швейцарии, франко-бельгийская и шведско-финская границы; (3) границы, установленные в рамках дальнейшего функционирования Венской системы: границы между Нидерландами, Бельгией и Люксембургом, нидерландско-германская и австро-германская границы, франко-итальянская граница, греко-сербская (ныне — греко-македонская) и греко-албанская границы; (4) границы, зафиксированные по итогам Первой мировой войны и в первые послевоенные годы: границы Германии с Францией, Бельгией и Данией, южная и западная границы Австрии, граница Греции с Болгарией и Турцией, англо-ирландская граница; (5) границы, установленные по итогам Второй мировой войны: германо-польская граница, итало-югославская (ныне — итало-словенская граница), советско-финская и советско-норвежская границы; границы Польши, Венгрии, Румынии, Чехословакии; (6) границы, установленные после окончания «холодной войны»: границы между государствами, образовавшимися в результате распада СССР, Югославии и Чехословакии.

Интересную классификацию границ на рубеже 1980—1990-х годов предложил французский географ Мишель Фуше. Фуше выделил три типа международных акторов: империи; традиционные суверенные государства; строящиеся и несостоявшиеся государства — и на основе бинарных взаимодействий указанных типов акторов выделил шесть возможных типов границ (между двумя империями; между империей и традиционным суверенным государством; между двумя традиционными суверенными государствами; между империей и строящимся или несостоявшимся государством; между традиционным суверенным государством и строящимся или несостоявшимся государством; между двумя строящимися или несостоявшимися государствами) [2, с. 313—314].

Для представителей функционального подхода наибольшую важность представляет изучение приграничных взаимодействий и трансграничных потоков. Английский исследователь Джон Хауз (1982) на основе изучения американо-мексиканской границы предложил следующую схему классификации приграничных взаимодействий: горизонтальные межгосударственные отношения (отношения между центральными правительствами двух стран); вертикальные национальные отношения (взаимодействие между приграничными регионами и центральным правительством своей страны); горизонтальные трансграничные отношения (прямые связи между сопредельными приграничными территориями разных стран); горизонтальные национальные отношения (контакты между приграничными районами одной страны) [2, с. 309—310].

В рамках географо-политологического подхода наибольшее внимание уделяется изучению влияния границ на развитие международных отношений. Так, на основании изучения 870 конфликтов, повлекших за собой территориальные изменения границ за период с 1815 по 1990 г. американскими

политологами Дж. Герцем и П. Дилем в начале 1980-х годов была построена модель распределения территориальных споров во времени и пространстве; в частности, в рамках указанного исследования была выявлена положительная связь между размерами территории и численностью населения с одной стороны и частотой изменения границ — с другой. В рамках исследования Г. Старра и Б. Моста в конце 1980-х годов была выявлена положительная связь между количеством соседей и частотой участия в вооруженных конфликтах, а также трехкратное повышение вероятности участия в вооруженных конфликтах в случае наличия воюющего соседа [2, с. 311].

Отдельно стоит остановиться на некоторых характерных особенностях формирования и функционирования границ. Во-первых, необходимо отметить асинхронность фиксации границ одного государства — границы формируются не как единый массив, а отдельными участками (это касается как границ государства на разных направлениях, так и бинарных границ с определенным государством). Во-вторых, изменение международно-правовой субъектности не влечет за собой изменения уже зафиксированных границ — можно привести достаточно примеров, когда государственная граница существует дольше, чем по крайней мере одно из государств, которые она разделяет; так, современная норвежско-финская граница была установлена по договору 1751 г., когда Норвегия являлась владением Дании, а Финляндия принадлежала Швеции.

В-третьих, при образовании новых государств их границы с большей вероятностью пройдут по уже существующим линиям разграничения; в качестве примеров можно провести процесс деколонизации в Африке, где подавляющая часть существующих сегодня границ восходят к колониальному прошлому (к границам между колониальными владениями различных государств или административным границам колоний одной страны), а также распад СССР и Югославии, когда административные границы между союзными республиками стали государственными рубежами. При этом необходимо иметь в виду, что административные и колониальные границы с одной стороны и государственные границы — с другой устанавливались на принципиально различной основе; в первом случае они проводились без достаточного учета этнических, культурных и исторических особенностей, а возможность превращения подобных границ в государственные не принималась в расчет. Принцип неизменности новых границ содержался в резолюции Организации Африканского Единства о нерушимости границ (1964) и в «Критериях признания новых государств в Восточной Европе и на территории бывшего Советского Союза», одобренных Европейским Сообществом (так называемый «Брюссельский минимум», 1991). Хотя полностью избежать кровопролития не удалось (достаточно вспомнить войну в Боснии и Герцеговине, 1992—1995), однако в сложившихся условиях решение международного сообщества руководствоваться данным принципом стало единственно возможным решением.

В-четвертых, не все изменения границ получают последующую институционализацию и леги-

тимизацию. С одной стороны, речь идет о кратковременных изменениях — так, итоги Мюнхенского соглашения (1938), первого и второго венских арбитражей (1938, 1940), предоставление «независимости» Словакии (1939) и Хорватии (1941) были аннулированы по итогам Второй мировой войны. С другой — международно-правовое признание не обязательно сопровождается реально происходящими на политической карте мира изменениями, а официальные (проведенные на карте) границы далеко не всегда совпадают с реальными (существующими на местности); в качестве примера можно привести непризнанные и частично признанные государства, в подавляющем случае продолжающие рассматриваться как часть территории государств, от которых они в реальности добились независимости.

В-пятых, хотя государственные границы в каждый момент времени воспринимаются как фиксированные и неизменные (что подкрепляется их международно-правовой институционализацией), политическая карта мира постоянно меняется. Самым ярким подтверждением этого тезиса является события начала 1990-х годов, когда на месте казавшегося непоколебимым Советского Союза, а также Югославии возникла целая россыпь новых независимых государств. Последнее общепризнанное изменение подобного рода (но очевидно далеко не последнее в рамках существующей системы международных отношений) на политической карте связано с появлением независимого государства Южный Судан (2011). При этом, как уже отмечалось, определенная часть территориальных изменений получает ограниченное международное признание или не получает такого признания, в результате чего возникает противоречие между объективно существующей действительностью и международно-правовым признанием данного факта.

Взаимные территориальные претензии и споры относительно прохождения и начертания межгосударственных границ составляют важную часть международной повестки дня. Летом — осенью 2012 г. произошло очередное обострение спора между Японией и Китаем о принадлежности островов Сенкаку (Дяююйдао).

Не является исключением и Россия — наши соседи с завидной регулярностью выдвигают территориальные претензии к нашей стране. Наиболее острым является вопрос о южных Курилах (острова Итуруп, Кунашир, Шикотан и гряда Хабомаи), являющихся объектом притязаний Японии. В 2004 г. был окончательно урегулирован вопрос о прохождении российско-китайской границы по Амуру (в результате чего Китай получил полтора острова — Тарабаров и половину Большого Уссурийского — расположенные при впадении Усури в Амур недалеко от центра Хабаровска). После распада СССР возник вопрос о российских территориях, в межвоенный период входивших в состав Эстонии (Печорский район Псковской области и город Ивангород в Ленинградской области) и Латвии (Пыталовский район Псковской области). Вопрос с Латвией был урегулирован после подписания и ратификации Договора о российско-латвийской границе (2007), то с аналогичного договора с Эстонией

(2005) российская сторона отозвала свою подпись, после того как Эстония при его ратификации вставила ссылку на Тартуский мирный договор 1920 г. В феврале 2014 г. после нового раунда переговоров были подписаны договоры о российско-эстонской государственной границе и о разграничении морских пространств в Нарвском и Финском заливах. Принятие в состав Российской Федерации Республики Крым и образование двух новых субъектов Российской Федерации — Республики Крым и города федерального значения Севастополя в марте 2014 года [6] вызвали новый раунд территориальных претензий к нашей стране.

Не меньшие, если не большие сложности связаны с разграничением морских пространств. В 1970-е гг. берет начало советско-норвежский спор о разделе акватории Баренцева моря (урегулирован в 2011 г.). Советско-американское соглашение о разграничении акватории Берингова пролива и Берингова моря (соглашение Шеварднадзе — Бейкера, 1990), не ратифицировано Россией, поскольку наша сторона рассматривает сделанные уступки как необоснованные. Распад СССР поставил на повестку дня в отношении между Россией, бывшими советскими республиками и их ближайшими соседями вопрос о размежевании не только суши, но и водных поверхностей. Так, не определен международный правовой статус Каспия (от того, будет ли решено считать его морем или озером зависит режим судоходства), остро стоит вопрос о разделе богатого углеводородами каспийского шельфа. Сложной является проблема статуса Арктики — определенная в 1926 г. линия полярных владений СССР не получила международного признания, хотя в советский период активно не оспаривалась. Однако сегодня, чтобы подтвердить свои права на приполярные районы наша страна должна доказать, что подводные хребты Ломоносова и Менделеева являются частью континентального шельфа России (в то время как, например, Дания рассматривает хребт Ломоносова как подводную часть Гренландии).

Важность и актуальность изучения границ между государствами как части комплекса пространственных исследований международных отношений обусловлена тесной взаимосвязью событий прошлого и настоящего. Понять и разрешить проблемы и противоречия, возникающие в данной сфере, в подавляющем числе случаев невозможно без обращения к истории, без понимания цепочки событий, которые привели к возникновению текущей ситуации. Без преувеличения можно сказать, что когда речь заходит о государственных границах, ключи от будущего следует искать в прошлом.

Литература и источники

1. Гердер, И. Г. *Идеи к философии истории человечества* / И. Г. Гердер. — М.: Наука, 1977. — 703 с.
2. Колосов, В. А. *Геополитика и политическая география* / В. А. Колосов, Н. С. Мироненко. — М.: Аспект Пресс, 2001. — 479 с.
3. Миньяр-Белоручев, К. В. *Роль доктрины «предопределения судьбы» в подготовке континентальной экспансии США в середине XIX в.* / К. В. Миньяр-Белоручев // *Россия и Запад: диалог культур*. — Вып. 8. — Т. 1. — М.: НОПАЗ, 2000. — С. 129—139.

4. Миньяр-Белоручев, К. В. Становление и развитие региональной подсистемы международных отношений на политической карте Северной Америки в XIX в. / К. В. Миньяр-Белоручев // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия Социально-гуманитарные науки. — 2013. — № 1. — Вып. 13. — С. 127—130.

5. Миньяр-Белоручев, К. В. Экспансия США и формирование американо-мексиканской границы. 1821—1854 гг. / К. В. Миньяр-Белоручев // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: история, политология, экономика, информатика. — 2013. — № 15. — Т. 27. — С. 65—73.

6. О принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов Республики Крым и города федерального значения Севастополя : Федеральный конституци-

онный закон Российской Федерации от 21 марта 2014 г. № 6-ФКЗ. — URL: [<http://www.rg.ru/printable/2014/03/22/krym-dok.html>].

7. Ancel, J. Géographie des frontières / J. Ancel. — Paris : Gallimard, 1938. — 210 p.

8. Curzon, G. N. Frontiers / G. N. Curzon. — Oxford : Clarendon Press, 1907. — 58 p.

9. Demangeon, A. Le Rhin: problèmes d'histoire et d'économie / A. Demangeon, L. Febvre. — Paris : Armand Colin, 1935. — 304 p.

10. Ratzel, F. Politische Geographie oder die Geographie der Staaten, des Verkehrs und des Krieges / F. Ratzel. — München ; Berlin: Druck und Verlag von R. Oldenbourg, 1903. — 838 s.

11. U. S. Statutes at Large. Vol. 8. — Boston : Little, Brown and Company, 1867. — 644 p.

Поступила в редакцию 12 августа 2015 г.

МИНЬЯР-БЕЛОРУЧЕВ Константин Валерьевич, канд. ист. наук, доцент, кафедра новой и новейшей истории, исторический факультет, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (Москва, Россия). E-mail: conbel@mail.ru

**Bulletin of the South Ural State University
Series «Social Sciences and the Humanities»
2015, vol. 15, no. 4, pp. 24—28**

DOI: 10.14529/hum150404

SPATIAL APPROACH TO THE HISTORY OF INTERNATIONAL RELATIONS: FORMATION, EVOLUTION, AND FUNCTIONING OF INTERNATIONAL BORDERS

K. V. Minyar-Beloruichev, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation conbel@mail.ru

The article is devoted to the study of international borders within spatial approach to the history of International Relations. Major approaches to the study of state borders are analyzed; historical analysis of formation, evolution, and functioning of state borders and their current conditions is offered.

Keywords: International Relations; Territories; Borders, Boundaries, Frontiers; Limology.

References

1. Herder I.G. Idei k filosofii istorii chelovechestva [Ideas upon philosophy and the history of mankind]. Moscow, 1977. 703 p.
2. Kolosov V.A., Mironenko N.S. Geopolitika i politicheskaya geografiya [Geopolitics and historical geography]. Moscow, Aspekt Press, 2001. 479 p.

3. Minyar-Beloruichev K.V. Rol' doktriny «predopredeleniya sud'by» v podgotovke kontinental'noy ekspansii SShA v seredine XIX v. [Manifest Destiny and Laying the Groundwork for U.S. Continental Expansion in the Mid-Nineteenth Century] // Rossiya i Zapad: Dialog Kul'tur [Russia and the West: Dialog of Cultures]. Iss. 8. Vol. 1. — M.: NOPAYaZ, 2000. — P. 129—139.

4. Minyar-Beloruichev K.V. Stanovlenie i razvitie regional'noy podsystemy mezhdunarodnykh otnosheniy na politicheskoy karte Severnoy Ameriki v XIX v. [Formation and Development of Regional Subsystem of International Relations on Political Map of North America in the Nineteenth Century] // Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Sotsial'no-gumanitarnye nauki [Herald of South Ural State University. Social Science and Humanities Series]. 2013. No. 1. Iss. 13. P. 127—130.

5. Minyar-Beloruichev K.V. Ekspansiya SShA i formirovanie amerikano-meksikanskoy granitsy. 1821—1854 gg. [American Expansion and the Making of U.S.—Mexican Boundary, 1821—1854] // Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: istoriya, politologiya, ekonomika, informatika [Belgorod State University Scientific Bulletin. Series: History, Politology, Economics, Computer Science]. 2013. No. 15. Vol. 27. P. 65—73.

6. Federal'nyy konstitutsionnyy zakon Rossiyskoy Federatsii ot 21 marta 2014 g. N 6 FKZ «O prinyatii v Rossiyskuyu Federatsiyu Respubliki Krym i obrazovanii v sostave Rossiyskoy Federatsii novykh sub'ektov Respubliki Krym i goroda federal'nogo znacheniya Sevastopolya» [Federal Constitutional Law of the Russian Federation, issued March 21, 2014 “On Admitting to the Russian Federation the Republic of Crimea and Establishing within the Russian Federation the New Constituent Entities of the Republic of Crimea and the City of Federal Importance Sevastopol.”] <http://www.rg.ru/printable/2014/03/22/krym-dok.html>.

7. Ancel J. Géographie des frontières. — Paris: Gallimard, 1938. — 210 p.

8. Curzon G.N. Frontiers. — Oxford: Clarendon Press, 1907. — 58 p.

9. Demangeon A., Febvre L. Le Rhin: problèmes d'histoire et d'économie. — Paris: Armand Colin, 1935. — 304 p.

10. Ratzel F. Politische Geographie oder die Geographie der Staaten, des Verkehrs und des Krieges. — München; Berlin: Druck und Verlag von R. Oldenbourg, 1903. — 838 s.

11. U.S. Statutes at Large. Vol. 8. — Boston: Little, Brown and Company, 1867 — 644 p.

Received August 12, 2015